

ИПМ им.М.В.Келдыша РАН • Электронная библиотека

Препринты ИПМ • Препринт № 73 за 2017 г.

ISSN 2071-2898 (Print)
ISSN 2071-2901 (Online)

Луховицкая Э.С.

Когда мы были молодыми

Рекомендуемая форма библиографической ссылки: Луховицкая Э.С. Когда мы были молодыми // Препринты ИПМ им. М.В.Келдыша. 2017. № 73. 25 с. doi:[10.20948/prepr-2017-73](https://doi.org/10.20948/prepr-2017-73)
URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2017-73>

**Ордена Ленина
ИНСТИТУТ ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ
имени М.В.Келдыша
Российской академии наук**

Э.С.Луховицкая

Когда мы были молодыми

Москва — 2017

Луховицкая Э.С.

Когда мы были молодыми

О первых годах работы автора в ИПМ им. М.В.Келдыша (конец 50-х, начало 60-х), о машине «СТРЕЛА», о взаимоотношениях сотрудников, об их труде и отдыхе.

Ключевые слова: программирование, отладка, М.В.Келдыш

Engelina Solomonovna Lukhovitskaya

When we were young people

Author tells about the first years of his work in Keldysh Institute (the end of the 50th, the beginning of the 60th), about the computer “STRELA”, relationship between employees, about their work and rest.

Key words: programming, debugging, M.V.Keldysh

Оглавление

От редактора	3
1. Начало	5
2. Работа с математическими отделами	10
3. Работа с отделом № 5	11
4. Мы без спорта не можем!	14
5. Институтские вечера.....	20

От редактора

Энгелина Соломоновна Луховицкая принадлежит к легендарному первому поколению сотрудников Института прикладной математики, которому посчастливилось участвовать в создании ракетно-ядерного щита страны, быть первопроходцами советской космической программы. Во главе Института в то время стоял Мстислав Всеволодович Келдыш, блестящий ученый и руководитель советской науки, который и сотрудников подбирал себе под стать.

Э.С.Луховицкая. Фото 1950-х годов

Энгелина Соломоновна — программист, т. е. одна из ключевых фигур в разработке крупнейших проектов Института. Наряду с расчетами термоядерных установок и траекторий космических аппаратов она участвовала и в реализации первых отечественных системных программных продуктов, в частности, транслятора с языка ПП-2. И это, заметьте, в первой половине 1950-х годов, когда и слов-то "транслятор" или "компилятор" еще не существовало.

Институт тогда был безусловным лидером не только в области численных расчетов жизненно необходимых стране изделий, но и в области системного программирования. Достаточно вспомнить, что именно в 1950-е годы руководитель программистского отдела Института Михаил Романович Шура-Бура проектировал систему команд вычислительной машины М-20, которая, наряду с созданной вскоре им же великолепной библиотекой подпрограмм ИС-2, на целое десятилетие стала основным инструментом советских программистов.

Предлагаемые читателю зарисовки кипучей жизни Института в 1950-е годы, казалось бы, лишь по касательной затрагивают развивавшуюся в его стенах тематику, на первом плане — взаимоотношения сотрудников, организация досуга, спорт, мелкие производственные зарисовки. Тем не менее, описываемые автором события ярко характеризуют эпоху, где главенствовало отношение к работе как к важнейшему и любимейшему своему делу. Хорошо видны первые шаги в науке многих выдающихся сотрудников Института, решавших и решивших крупнейшие задачи того времени, заслуженно ставших впоследствии обладателями самых высоких титулов и государственных наград.

С удовольствием воспользовался открывшейся возможностью погрузиться в чудесную атмосферу первых лет существования Института. Думаю, что и другие читатели воспоминаний Энгелины Соломоновны не будут разочарованы.

М.М.Горбунов-Посадов

Я работаю в ИПМ им. М.В. Келдыша РАН почти 63 года. О достижениях Института в науке не раз писали и говорили. Его сотрудники награждались орденами, Ленинскими и Государственными премиями, да и сам Институт награжден орденом Ленина. А каким он был 63 года назад? Где размещались его сотрудники? Как они общались между собой? Какие были правила поведения? Как отмечали праздники: 1 мая, 7 ноября, ведь тогда они были значимыми. И мне захотелось об этом рассказать, может быть кому-нибудь будет интересно.

Я с удовольствием погрузилась в давно прошедшее время, многое вспомнилось, о чем давно уже забыла. З.Ф. Бочкова, Г.Н. Езерова, И.Х. Зусман и В.В. Луцикович рассказали мне о том, чего я не знала, и я за это им очень благодарна.

Начну с момента, когда я впервые увидела Институт.

1. Начало

Летом 1954 года Алексей Андреевич Ляпунов, профессор кафедры «Вычислительной математики» мех-мата МГУ, привел меня в ОПМ. Я в то время была студенткой 4-го курса мех-мата, занималась в семинаре по программированию, написала курсовую работу под руководством Алексея Андреевича. И вот пришло время заняться дипломом. Алексей Андреевич работал не только в МГУ, он был заведующим отделом программирования в ОПМ. (Нужно сказать, отдел программирования через несколько месяцев распался на два отдела: отдел кибернетики во главе с Алексеем Андреевичем Ляпуновым и отдел программирования, где заведующим стал Михаил Романович Шура-Бура.) Но в то время это еще был один отдел.

Алексей Андреевич познакомил меня с моим будущим руководителем Сашей Любимским и сказал: “Вот вам, Саша, дипломница”. Мне показали комнату и стол, за которым я должна была трудиться.

ОПМ (так тогда назывался наш Институт) в то время размещался в трех корпусах. Центральным был трехэтажный Главный корпус, а по обе стороны от него два двухэтажных корпуса. Если встать лицом к центральному, то справа от него — корпус «А», а слева — корпус «Б». В Главном корпусе располагалась дирекция, 1-й отдел, библиотека и математические отделы. В корпусе «А» — машина «Стрела» и обслуживающий персонал. В корпусе «Б» — программисты. Через пару лет часть программистов переместилась в Главный корпус, но летом 1954 года было именно так. Позади Главного корпуса была баскетбольная площадка, а за ней — одноэтажный домик — столовая. Вся территория была окружена забором.

В день, когда я пришла, меня повели в корпус «А» посмотреть на машину. Она помещалась на 2-м этаже в большом зале. Я была ошеломлена, все увиденное мне показалось кадром научно-фантастического фильма. Посреди

зала стоял пульт с множеством мигающих лампочек. А вдоль стен расположились загадочные шкафы, и между ними висели шторы. А у пульта стояли два сверхчеловека, они нажимали на кнопки и смотрели вдаль... И они все понимали. Это были, как я потом узнала, Владик Сильвинский и Эрлен Кривонос. Нужно заметить, все сотрудники Института обращались друг к другу на “ты” и по имени, кроме, конечно, руководителей и заметно старших по возрасту.

Саша Любимский, мой научный руководитель, ушел в отпуск. А в первых числах сентября мы встретились в ОПМ, и он сформулировал тему моей дипломной работы. Она звучала так: «Блок обработки логических условий в ПП-2». Программа должна была работать на машине «Стрела».

Я регулярно приезжала в ОПМ, а в ноябре 1954 г. по Сашиной инициативе меня зачислили на работу в должности старшего лаборанта. И я стала сотрудником ОПМ! И стала подчиняться правилам, принятым для всех сотрудников (почти для всех).

А правила были такие. Рабочий день начинался в 8.30 утра и кончался в 17.45. Около 8.30 выстраивалась очередь к проходной за пропуском. Пропуск был действителен на территории Института, а когда сотрудник выходил через проходную, пропуск нужно было сдать. Каждому сотруднику присваивался номер. Войдя в проходную, ты называл свой номер и получал пропуск. Оказавшись на территории Института, нужно было быстро идти в Главный корпус перевесить табель. Это означало, что ты вовремя пришел на работу.

В Институте в то время была принята “табельная система”. Это вот что такое. В Главном корпусе на первом этаже в правом от входа углу стоял стол. За ним сидела женщина (мы ее звали “табельщица”). А справа от нее на стене висели два плоских деревянных ящика со стеклянными дверцами — один для прихода, другой для ухода. На дне ящиков размещались крючки, а под ними цифры — номера сотрудников. А на крючках висели пластмассовые номерки — табели. Сотрудник спешно перевешивал соответствующий ему табель с правого ящика в левый. В 8.30 раздавался звонок, означавший начало рабочего дня, и табельщица запирала стеклянную дверцу правого ящика на замок. Кто не успел, тот опоздал! Применялись ли какие-нибудь меры воздействия по отношению к опоздавшим, не знаю. По-моему, нет. Но все спешили.

Табельная система касалась не всех сотрудников. Заведующие отделами не состояли на табельном учете. Работающие по вечерам или ночам, а такое бывало, тоже освобождались. Эта система просуществовала еще несколько лет, а потом заменилась другими формами учета.

Табельщица выполняла и другие функции. На ее столе стояли два телефона: местный и городской. Местными телефонами снабжались все комнаты корпуса, а городские были только у руководителей. В других корпусах была аналогичная система.

Я приходила в ОПМ, будучи еще студенткой, и табельные сложности меня пока не касались. Мое место было в корпусе «Б» на 1-м этаже. В этой же

комнате сидели Саша Любимский, Сергей Сергеевич Камынин и Сева Штаркман.

Мне выдали толстую общую тетрадь, на обложке которой было написано «Амбарная книга». В эту тетрадь нужно было записывать свои соображения, вопросы, блок-схемы — главное, ничего не писать на листочках бумаги. В конце рабочего дня тетрадь нужно было положить в портфель. Портфели выдавали не всем, только заслуженным товарищам. Место для моей амбарной книги было в портфеле Сергея Сергеевича. Был ли у Саши портфель, не помню. Портфель был большой, он закрывался на замок, а к замку были приделаны веревочки. Они завязывались, к узлу прикладывался пластилин и ставилась печать. Каждый обладатель портфеля имел свою индивидуальную печать. Портфель нужно было сдавать в 1-й отдел, который помещался на 3-м этаже Главного корпуса. И кончал работать тогда же, когда официально кончался рабочий день.

Я постепенно осваивалась на новом месте. Комната, где я сидела, выходила в небольшой коридор. В него еще выходили три двери от трех комнат. Я постепенно знакомилась с их обитателями: Тамарой Кузнецовой, Женей Богомоловой, Любой Рыбаковой, Ритой Филипповой, Зоей Бочковой, Милей Яновой и с мужчинами: Игорем Задыхайло, Володей Луциковичем, Вадимом Семячкиным. Тамара Кузнецова (она тоже участвовала в создании ПП-2) меня опекала, рассказывала всякие истории про других сотрудников Института. В частности, от нее я услышала леденящую душу историю про начальницу 1-го отдела. Это случилось еще до того, как я пришла. Потерялся листок с формулами, часть какого-то секретного документа. Его долго искали, найти не могли. И начальницу посадили. Через некоторое время листок нашелся, но она уже была в тюрьме. Отразилась ли находка на судьбе этой женщины, не знаю. Знаю только, что она вышла на свободу через несколько лет и пришла в Институт. Мне ее показал кто-то из тех, кто ее видел раньше.

Я, прослушав внимательно этот рассказ, ухитрилась в один прекрасный день не положить Амбарную книгу в портфель. Звонок, означающий конец рабочего дня, уже прозвенел. Я в ужасе кинулась искать Сергея Сергеевича. К счастью, он еще не ушел, но портфель сдал. Мы побежали в 1-й отдел. А он находился, как я уже говорила, на 3-м этаже Главного корпуса. Сергей Сергеевич шагнул через три ступеньки, я пыхтела за ним, проклиная себя за свою несобранность. К счастью, 1-й отдел еще работал. Сергею Сергеевичу отдали портфель, я положила свою книгу, и портфель снова был опечатан. Ура! Я была спасена.

В числе людей, с которыми я познакомилась, был Юрий Иванович Морозов. Он был старше всех, кроме Михаила Романовича. Участник войны, парторг отдела, очень добрый, умный, любил шутки и сам любил шутить. Как-то я была в расстроенных чувствах, не помню по какому поводу. Юрий Иванович решил меня развеселить и рассказал такую историю:

— Наступила весна, выглянуло солнышко, и на полянку выполз червяк. Осмотрелся, увидел другого червяка и говорит: “Здравствуй, червяк!”. А червяк не отвечает. Удивился червяк и опять говорит: “Здравствуй, червяк!”. А червяк не отвечает. Тогда червяк посмотрел повнимательнее и увидел, что червяк, который не отвечает, это его хвост!

Мне она очень понравилась, я рассказала эту шутку своим друзьям, и мы какое-то время так и обращались друг к другу: “Здравствуй, червяк!”

Однажды Юрий Иванович с Сергеем Сергеевичем выпустили стенгазету под названием АВОСТ. (Авост означает АВАрийный ОСТанов машины при выполнении недопустимой операции, например, при делении на ноль. Этот термин и производные от него часто употреблялись, например, ”программа заавостилась”.)

Стенгазета висела на стене коридора корпуса, где сидели программисты. Я запомнила кое-что (к сожалению, не все) из содержимого газеты, кое-что мне напомнил Володя Луцикович. Например, такое:

*Сущность авоста очень проста:
Это же просто авост без хвоста...
А хвост авостов — не просто хвост,
Авостов хвост от авостов рос...*

Что было дальше – не помню.

Но были и обычные стихи, например, такие:

*Пусть на ленту нужно вам
Записать пять штук программ.
Две программы записали,
А на третьей встали.
Не смущаяся нисколько,
Начинаем все сначала.
Этот метод чем хорош?
Не нужно думать ни на грош.
Всем советую я этот
Применять прекрасный метод!*

Такой случай был с одной из наших сотрудниц.

А еще была карикатура на меня. Я некоторое время собирала комсомольские взносы. И если приходила пора их сдавать, а кто-то забыл заплатить, я клала свои деньги в расчете на то, что мне их потом вернут. Мои соседи по комнате надо мной смеялись и нарисовали такую карикатуру.

Я изображена в виде тетушки с двумя младенцами в обеих руках. У одного из младенцев свисает длинная коса до полу. Это — Зоя Бочкова. У нее была замечательная коса, не до полу, но ниже талии. А второй младенец — Таня Тросман.

Всем нам очень нравилась эта газета, но она пропала во время одного из переездов.

Итак, я работала над дипломом. Программа должна была поместиться в 400 ячеек (в современной терминологии — “слов”) — так мне наказал мой руководитель Саша Любимский. Оперативная память «Стрелы» составляла 2000 ячеек.

Программу нужно было писать в кодах машины, т.е. цифрами — и операнды, и операции — все в цифрах. Записывали программы на специальных бланках. Заполненные бланки относили в комнату — перфораторную, она помещалась в корпусе «А», напротив машинного зала. Через некоторое время автору возвращали бланки и колоду перфокарт. Я помню, очень хорошо пробивала карточки Валя Яковлева — быстро и без ошибок.

Все карточки колоды нужно было пронумеровать карандашом (вдруг колода упадет, перфокарты разлетятся — ужас!). Еще мне кто-то подарил две пластмассовые пластинки, они должны были окаймлять колоду, сверху все это завязывалось резинкой. С этой колодой можно было пойти на машину.

Такую маленькую задачу, как моя, не требующую счета, можно было пропустить между большими. Но вообще, в Институте было правило: для счета по программе нужно было заранее заказать время. Распределением времени занимался очень серьезный человек, участник войны, Лев Николаевич Панфилов. Он сидел в 42-й комнате Главного корпуса (на этом месте сейчас находится кабинет директора Института). В определенное время сходились заинтересованные лица, и там в папиросном дыму решались судьбы. Машина работала круглосуточно. Останавливать ее было нельзя: включение машины требовало тщательной проверки и занимало много времени.

И вот я со своей колодой пришла на машину и попросила оператора (это был Эрлен Кривоносов) ввести ее. Он ввел колоду и через несколько секунд вернул со словами “Программа зациклилась”. Я, убитая горем, ушла из зала и пыталась понять: как он (Эрлен) догадался, что она зациклилась? Мне посоветовали распечатать колоду и посмотреть, нет ли ошибок в пробивке. Я так и сделала, нашла ошибку, мне заново проббили неверные карты, и я снова пошла на машину. И так было изо дня в день.

Каждый поход на машину был для меня событием: я ее страшно боялась. Этот огромный зал, мигающие лампочки и незнакомые инженеры, которые всё понимали, приводили меня в оцепенение. Поднимаясь по лестнице в корпусе «А», я уже начинала дрожать и решала вопрос: что страшнее, идти на машину или к зубному врачу?

В конце концов, я отладила программу, другие блоки тоже были готовы, и наша ПП-2 задышала! Я защитила диплом, сделав доклад на семинаре отдела. Потом я некоторое время не ходила в Институт: нужно было сдавать госэкзамены, а 1 июля 1955 года я получила диплом и стала младшим научным сотрудником ОПМ МИАН СССР.

Придя на работу в новом качестве, я забежала в одну из комнат отдела и увидела четырех испуганных девочек. Они забились в угол у окна, одна сидела, остальные стояли. Это были Нина Иванова, Люся Шушина с толстой рыжей косой, Рая Головина и Света Гельфер. Они закончили курсы по программированию, а их учителем был Игорь Борисович Задыхайло. Он-то и взял их к нам в Институт, в свою группу. Видимо, они ждали его, пока он занимался их оформлением. Двое из этих девочек (несколько повзрослевших) работают в Институте до сих пор. Это Нина Игоревна Кварталова и Людмила Сергеевна Органова.

Прежде чем перейти к рассказу о работе в новом качестве, мне хочется вспомнить, как мои соседи по комнате меня воспитывали. Я уже упоминала о том, что я сидела в одной комнате с Сашей Любимским, Сергеем Сергеевичем Камыниным и Севой Штаркманом. Во время одного из переездов (а они были частыми — приходили новые сотрудники, им нужно было где-то сидеть, а новый корпус еще только строился) мы оказались в комнате с трубой. Труба была нетолстая, теплая, по ней проходила вода для отопления. Труба располагалась в углу, между стеной и шкафом, и возле нее был такой симпатичный уголок. Когда я оставалась в комнате одна и мне нужно было что-то обдумать, я забиралась в уголок с трубой, обнимала ее, грелась. Она мне помогала сосредоточиться. И если мои соседи входили в комнату и заставляли меня в обнимку с трубой, они издавали воинственный клич, брали веревку и привязывали меня к трубе. И я оказывалась арестованной на некоторое время. Потом отпускали. Сергей Сергеевич произносил любимую фразу: «Женщины племени Замбини должны быть кроткими!» Они считали, что женщины племени Замбини должны сидеть на стуле или, в крайнем случае, на диване, а не обниматься с трубой. Если я была не за трубой, а сидела на стуле, но с чем-то не соглашалась, Сергей Сергеевич вставал во весь свой рост, брал в руку графин с водой, поднимал его над моей головой и произносил: «Женщины племени Замбини должны быть кроткими!» И я соглашалась.

Я очень уважала и любила моих соседей, но когда во время очередного переезда возникла возможность перейти в другую комнату, я это сделала. В это время к нам пришли новые сотрудники, выпускники мех-мата Ира Зусман и Тамара Исаенко. Мы разместились в 43-й комнате Главного корпуса. Там еще сидели Зоя Бочкова и Таня Фролова. А потом окончила мех-мат Галя Олейник, и мы ее взяли к себе, тем более, что Таня ушла в другой отдел. Так образовался наш женский коллектив, который назывался «43-я комната».

А теперь о работе.

2. Работа с математическими отделами

Во второй половине 50-х годов расчеты задач на «Стреле» были организованы следующим образом. Формулы для счета в соответствии с методиками, разработанными в отделах, писали математики. Затем приглашались программисты, которые составляли программы для этих задач и

организовывали счет на машине. Математики готовили тесты: начальные данные и результаты расчета, которые соответствуют этим начальным данным. Расчет тестов выполнялся вручную на электрических машинах типа Мерседес. Программа считалась отлаженной, если результаты ее работы при тестовых начальных данных совпадут с тестовыми результатами.

Мне поручили работать с отделом № 2, заведующим которого был Израиль Моисеевич Гельфанд. А математиком, готовившим задание для программирования, была Мила Иванова. Мы с ней быстро нашли общий язык, и никаких проблем не было. Я писала программы не в кодах машины, а на языке ПП-2, который был далек от совершенства, но с его использованием программы составлялись быстрее и ошибок было меньше. Мы работали с увлечением, а в перерывах пели на два голоса “Ничто в полюшке не колышется...” Мила была певуньей, хорошо плясала и замечательно играла в пинг-понг. С Гельфандом мы столкнулись на каком-то совещании его сотрудников. Ему сказали, что я программист. Он подозрительно посмотрел на меня и спросил: «Глупые вопросы будете задавать»? Я сказала: “Буду”. “Миле их не задавайте, задавайте Радио Петровичу Федоренко”. Мне это не понравилось, и, конечно, я обращалась к Миле. По-моему, мы с Милой посчитали две задачи.

А потом меня “бросили” в отдел № 3. Заведующим отделом был Александр Андреевич Самарский. И работать мне предстояло с Арнольдом Никифоровым и Васей Уваровым.

Это была веселая работа: дело в том, что Арнольд и Вася все время смеялись. Они мне показывали формулы, по которым нужно считать, что-то объясняли и при этом хохотали. Как-то я зашла к ним в комнату и услышала знакомый радостный смех: Вася принес из дома жареные сухарики и сказал, что будет продавать желающим по копейке за штуку. Вскоре я заметила, что сама смеюсь. Но работа тем не менее двигалась.

Вася, между прочим, был скрипач. Он окончил музыкальную школу и училище по классу скрипки, и ему предложили работать в должности заведующего (или заместителя заведующего) музыкальным училищем в одном из подмосковных городов. Оклад при этом предлагался большим, чем Васин оклад в Институте. И тогда Вася с документами пошел в Отдел кадров. О чем он с ними толковал, не знаю, но зарплату ему повысили. И правильно сделали, так как вскоре Арнольд и Вася выполнили какую-то важную работу, и им дали Ленинскую премию!

3. Работа с отделом № 5

Вскоре мне была поручена работа с отделом № 5. Заведующий – Дмитрий Евгеньевич Охоцимский.

В тот период отдел № 5 занимался задачами, связанными с полетами искусственных спутников Земли. Это был конец 50-х. Все расчеты нужно было проводить на машине «Стрела». В 5-м отделе существовали свои

программисты, но объем работ был так велик, что руководство обратилось за помощью к программистам нашего отдела.

Я работала в паре с Эфой Акимом. Он пришел в Институт почти одновременно со мной, и его зачислили сначала в отдел программирования. Он работал с 5-м отделом и так увлекся их тематикой, что перешел в 5-й отдел.

Он мне принес задание с формулами, и я начала писать программу и ходить на «Стрелу». В машинном зале тем временем появились новшества. Вдоль окон стояли металлические ящики, довольно высокие, они назывались ПУВДы. На них поступала информация со спутников. Перфокарты, выдаваемые ПУВДами, специальным образом обрабатывались, и данные поступали на основные программы. По ним определялись координаты спутников и их траектории. По залу ходили какие-то незнакомые мужчины, а на пульте машины стоял диковинный телефонный аппарат, на котором было написано: «Внимание, противник подслушивает». Это настораживало.

Михаил Романович привлек к космической теме и других сотрудников. В разное время работали по космосу и Саша Любимский, и Игорь Задыхайло, и Нина Кварталова, и Люся Органова, и Галя Езерова. Любимский и Задыхайло написали программу для оценки новой методики расчетов. Сам Михаил Романович очень заинтересованно руководил нами. Всех нас сняли с табельного учета, ведь мы работали и вечерами, и часто ночами.

Эфа не только разработал задание для меня, но и сам написал и отлаживал программу. У нас сложились очень теплые отношения, с ним было легко работать. Он был мягкий, благожелательный и очень худенький, мне всегда хотелось его накормить:

— Эфа, пойдешь в столовую, она еще открыта!

— Нет, нет, спасибо, я вчера очень плотно пообедал, — это был обычный диалог между нами.

Ночами в машинном зале горел яркий свет. Все занимались своими делами. Если в чей-то программе вдруг обнаруживалась ошибка, Михаил Романович с азартом бросался на поиск, независимо от того, кем программа была написана. И самое замечательное — он ее (ошибку) находил и помогал исправить! При этом у него было такое выражение лица, как будто он одержал победу над шахматным гроссмейстером! Я поражалась его работоспособностью. Он был всегда радостно возбужден, усталость не касалась его. Как-то я задремала, сидя на стуле, и вдруг слышу: «Лина, Вам что, нечего делать? Вот напишите такую программу...» Иногда среди ночи случалась неожиданная радость: Валентина Ефимовна, жена Михаила Романовича, присылала огромный термос с горячим кофе и пирожки!

Обычно мы кончали, когда уже начинало светать, и машина Института нас развозила по домам.

Однажды был такой забавный эпизод. Все ошибки, как будто, были найдены, начался счет. Это был итерационный процесс, участвовало несколько программ, а моя программа должна была определить, сошлись ли итерации. И

если сошлись, то на пульте должны были загореться все лампочки. Я к этому времени уже не боялась «Стрелы», сидела за пультом и нажимала кнопки. Сидим, ждем, проходит час, другой. И вдруг загораются лампочки! Все радостно обсуждают это событие и разъезжаются по домам. А наутро понимают, что итерации не должны были сойтись, а сошлись, потому что в одной из программ была ошибка (к счастью, не в моей). Исправили и снова запустили счет. Проходят сутки, другие, лампочки не загораются. Я, честно говоря, не помню, чем дело кончилось.

Я с удовольствием вспоминаю это время: общая работа, и все это для космоса, для спутников, для науки. Романтика захватывала.

А потом для меня начался тяжелый период. Ничего не считали, время от времени приходил Эфа, я вносила какие-то мелкие изменения. Для чего, я не понимала, да мне и не положено было понимать. Эфа и руководители 5-го отдела стали меня горячо уговаривать перейти к ним в отдел. Говорили, что я сама буду формулировать задания, мне будет интересно.

— Но я же не знаю небесной механики”, — говорила я.

— Научим, — говорили они.

Напор был очень силен. Особенно давил Дмитрий Евгеньевич Охоцимский.

— Вы пойдите к директору и скажите: “Я работаю 4 года, я хочу заниматься наукой”.

Я считала, что это нескромно, даже нахально, подумаешь, 4 года.

— Нет, это нормально, правильно, — нажимал он.

А между тем, Саша Любимский занимался интересными и понятными для меня вещами. Я рассказывала ему о своих трудностях, он сочувствовал, но что он мог поделать. Я пошла к Михаилу Романовичу с просьбой отпустить меня к Саше.

— Лина, не капризничайте! — сказал он.

Мне это показалось оскорбительным: я же не привередничаю, я работать хочу. Что делать, подумала я, придется идти к Охоцимскому. Поплакалась Саше и пошла к секретарю Келдыша, попросила позвать меня, когда директор будет свободен. Она вскоре заглянула в нашу комнату. Я позвонила Саше и пошла на ватных ногах. Сказала все, как меня учил Охоцимский:

— Я сотрудник отдела программирования. Я работаю 4 года. Хочу заниматься наукой. Переведите меня, пожалуйста, в 5-й отдел.

— А вы с Михаилом Романовичем говорили? — спросил Мстислав Всеволодович.

— Говорила, но он меня не отпускает.

Келдыш записал мою фамилию на календаре и сказал:

— Можете идти.

Я вышла и подошла к Саше, который пришел за меня поболеть. Мы стоим, гадаем, чем все это может кончиться, и вдруг видим: со 2-го этажа бегом спускается Охоцимский и направляется в кабинет к директору. Потом выходит.

В это время появляется Шура-Бура и тоже быстрым шагом идет к директору. И вскоре выходит. А мы гадаем, что бы это значило. И вдруг кто-то из моей комнаты выходит и говорит:

— Тебя вызывает Михаил Романович.

Я иду к Шура-Буре, и что я слышу?

— Лина, отдайте свою программу какому-нибудь программисту из 5-го отдела и поступайте в распоряжение Любимского.

Ура! Я хватаю свою колоду и текст и отношу Вере Торопцевой. Вера хороший программист и очень аккуратный человек, и я спокойна, что программа попала в хорошие руки.

Так я рассталась с работами для 5-го отдела.

А в заключение хотела бы немного рассказать об Эфе, с которым я сотрудничала, — Эфраиме Лазаревиче Акиме. Он продолжал работать в 5-м отделе, и, несмотря на серьезные трудности в его жизни, достиг очень многого, благодаря своему таланту и необыкновенному трудолюбию. Тогда мы даже представить себе такого не могли.

В 1965 году был образован Баллистический центр Института, и руководителем его назначили Эфу. Он защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации. В 2008 году был избран членом-корреспондентом РАН. Получил три Государственные премии, одну Ленинскую и еще кучу других. И при этом оставался таким же худеньким, вежливым, благожелательным. Все так же странно здоровался за руку со словами “Здравствуй, Лина, здравствуй, здравствуй... здравствуй!” А жил он с женой в однокомнатной квартире на пятом этаже пятиэтажного хрущевского дома без лифта. Ему предлагали улучшить его жилищные условия, но он отказывался.

В Институте его очень уважали, даже хотели сделать директором, но президиум РАН нас не поддержал.

13 сентября 2010 года он, как всегда, пришел на работу, сел за свой стол, стал перебирать бумаги... и умер. Судьба подарила ему легкую смерть.

А я стала работать с Сашей Любимским. Он дал мне книжку с описанием нового алгоритмического языка Алгол и сформулировал задание: сделать входной язык нашей ПП-2 похожим на Алгол. И дал помощников. Мы с этим заданием, не очень быстро, но справились. И в июне 1961 года я сделала доклад об этом языке на IV Всесоюзном Математическом съезде в Ленинграде.

Но сейчас я хочу вернуться к тому времени, когда я пришла в Институт, и рассказать, как сотрудники ОПМ с увлечением занимались спортом.

4. Мы без спорта не можем!

Так назывался самодельный фильм, который сняла группа сотрудников нашего отдела. Я его плохо помню, поэтому не буду о нем рассказывать.

Когда я стала регулярно посещать ОПМ, то заметила некую странность: как только раздавался звонок — окончание рабочего дня, мужчины, сидевшие в нашей комнате, срывались с места и куда-то убегали. Со временем я узнала, что они спешили играть в козла — в домино.

Вспоминает Владимир Владимирович Луцикович.

В Институте существовал «Козлиный клуб». Членами его были только мужчины. Из нашего отдела туда входили Любимский, Луцикович, Задыхайло, Камынин, Семячкин, Морозов, Панфилов. Из математических отделов — Локуциевский, Дьяченко, Федоренко, Семендяев, Алалыкин, Молчанов, Левитан. Тройка — Корнеев, Щепотьев, Малиновский были из отдела обеспечения работы счетно-аналитических машин.

Старшим по возрасту был Константин Адольфович Семендяев, заведующий отделом Газодинамики ОПМ, а с 1961 года — заместитель директора Института по науке.

Вызывает удивление, как эти интеллектуалы — ведь большинство из перечисленных стали в будущем кандидатами, докторами физ.-мат. наук, профессорами, заведующими отделами — увлеклись такой примитивной игрой! Но ведь это был не обычный «козел», который забивали пенсионеры в московских дворах. Здесь все было необычно: и как определялись четверки играющих, и как подсчитывались очки для выигравших и проигравших, и четкая организация. Все события фиксировались в специальном журнале, который вел Лев Николаевич Панфилов. Вадим Семячкин рисовал цветные графики для каждого из участников, каждый имел свой цвет. Некоторым участникам присваивались звания. Например, Панфилов имел звание “член-подводитель”, Семячкин — “член-наноситель”. В журнале было отведено несколько страниц для предложений. Если кто-то из игроков решил ввести новое правило игры или изменить старое, он записывал свое предложение в журнал. Игроки читали, обсуждали и принимали или отвергали.

Лучшим игроком был Глеб Алалыкин. Его линия на графике парила над остальными.

А еще в клубе отмечалась дата: 19 сентября — день основания клуба. В этот день проводились юбилейные игры. Однажды в клуб пришла телеграмма: «Сожалею невозможностью принять участие юбилейной сессии». И подпись: Семен Дяев.

Константину Адольфовичу дали звание “член-корреспондент”. А до этого он был “действительный член”.

В 1958 году клуб тожественно отметил 50-летний юбилей Семендяева и вручил подарок — деревянного козла.

Сколько лет просуществовал Козлиный клуб? Точный ответ назвать трудно. В 1963 году Константин Адольфович покинул ОПМ (а значит и клуб) и перешел на работу в Гидрометеоцентр СССР.

В 1964 году заработала машина «Восток», созданная сотрудниками Института. Четверо сильнейших программистов (они же “козлисты”) —

Камынин, Луцикович, Любимский, Семячкин — взялись за создание программного обеспечения. Работали интенсивно, так что на клуб времени не хватало. К тому же в Институте уже работала М-20, в 1966 году установили БЭСМ-6. Новые возможности, а значит и новые задачи. Клуб постепенно “усыхал”.

Но любовь к спорту не кончалась!

В Институте существовал Спортсовет, председателем его был наш будущий директор Сережа Курдюмов. И существовали спортивные секции, в частности, волейбольная. Председателем был Н.Н. Яненко (будущий академик). Были команды — женская и мужская. В волейбольную секцию меня завлекла Зоя Бочкова. Я в Университете играла в волейбол, была в курсовой команде. И вошла в Институтскую команду. Там, кроме нас с Зоей, были Люба Рыбакова (наш капитан), Тамара Шаргина, Зина Довженко. Люся Старкова. Кто еще был, не помню. Тренером женской команды был Сева Штаркман.

Л.Рыбакова, Л.Луховицкая, Л.Старкова, З.Довженко, Т.Шаргина, стажер, З.Бочкова

Мы играли на стадионе «Метрострой» на Красной Пресне. У нас получилась неплохая команда. Летом 1956 года было первенство АН СССР среди институтов. И мы заняли первое место! Нам даже пообещали дать каждой 3-й разряд. Но не дали.

Бывали встречи и на стадионе «Динамо». У нашего Института было в те годы двойное подчинение. С одной стороны, мы относились к АН СССР, с другой – к Министерству Среднего машиностроения («СредМаш», теперь это

«АтомМаш»). В СредМаше было такое подразделение: «7-й Райсовет Динамо». И от него время от времени приходило распоряжение: сыграть в такое-то время с такой-то командой на стадионе «Динамо». И мы играли, правда яркими победами не отличались.

Зимой тренировались в зале, арендовали зал в одной из близлежащих школ. И наш тренер Сева учил нас падать под мяч. Тогда техника была не такая, как сейчас, мяч надо было брать пальцами, чтобы пас был мягким и точным. И если на тебя летит низкий мяч, нужно упасть, ничего не сломать и дать точный пас.

В мужскую команду входили Сева, Сергей Курдюмов, Валя Вершубский, Яненко, кто еще не помню.

Однажды меня вызвали на заседание волейбольной секции. Оно происходило в Главном корпусе в кабинете Н.Н.Яненко. Народу было немного. На стуле сидел унылый Курдюмов. Яненко ругал его за то, что он не пришел на последнюю игру. “Как ты мог!”, – восклицал Яненко. “У меня было деловое свидание,” – мрачно отвечал Сережа. И это продолжалось довольно долго. Вскоре стало известно, что Курдюмов женился, так что свидание, скорее всего, было свиданием с невестой. Мне это эпизод запомнился тем, насколько серьезно относился Яненко к своим обязанностям.

Еще все очень увлекались настольным теннисом (тогда он назывался “пинг-понг”). Вспоминает Галина Николаевна Езерова.

“Инициаторы этой игры уговорили нашего замдиректора по хозяйству Николая Михайловича Светлова разрешить сдвинуть в конференц-зале кресла и установить столы для пинг-понга. “Кто это будет делать? – Мы – А кто будет потом приводить зал в порядок? – Тоже мы”. Но к концу увлечения стало ясно, что паркет, исчерченный резиновыми подошвами ботинок, восстановить нельзя, и пришлось Светлову настилать в зале новый паркет.”

Итак, в конференц-зале на 3-м этаже стояли столы, и в обеденный перерыв или после работы каждый, кто хотел, приходил с ракеткой и играл. Я помню, очень хорошо играли Тамара Шаргина, Мила Иванова, а из мужчин Лёля Соболев и Юра Федоров. Все хорошо играли. Я помню, был такой персонаж (игрок) Гурий Грек, я его ни разу не видела, но о нем говорили с уважительными интонациями. Команда нашего Института, как и волейболисты, успешно участвовала в первенстве 7-го Райсовета Динамо.

Меня приятно удивляла готовность Института участвовать в массовых спортивных мероприятиях. Внезапно раздавался призыв: в воскресенье все едем в поход (или на пикник – не помню, как это называлось и кем организовывалось). Встречаемся – указывалось место встречи. Я помню один такой поход, по-моему, это было летом 1956 года. Народу было очень много. Мы расположились на симпатичной поляне. Кто-то играл в футбол, кто-то в волейбол. Каждый расслаблялся, как хотел. Мы с Олей Кулагиной варили какую-то еду на костре. Много фотографировали Сева Штаркман и я. Потом печатали фотографии у Севы дома. И раздавали желающим.

С.С.Камынин, Ю.И.Морозов, Т.Шаргина, З.Бочкова, Л.Луховицкая, ...

Или другой призыв: мужчины Института должны играть в футбол. Все едут куда-то, мужчины играть, женщины болеть. Михаил Романович тоже ехал на своей Волге, прихватив некоторых женщин.

Игорь Задыхайло — капитан, Аза Захарова — судья

Помню лыжные соревнования. Были две трассы: женская (3 км) и мужская (5 км). Мы с Валею Коровиной (сотрудницей нашего отдела) шли потихоньку в

своем темпе, а когда пришли к финишу, на меня обрушился гнев Михаила Романовича: “Вы прошли 3 км за 20 минут. Позор!” Кто был первым, не помню, наверное, Галя Езерова, она была отличная лыжница.

Была у нас еще одна замечательная секция — туристическая. Ее организовали, кажется, в 1957 году два выпускника физфака МГУ: Лев Майоров и Олег Москалев. На физфаке в то время был очень популярен туризм, альпинизм, горные лыжи. И сами организаторы еще студентами участвовали в дальних сложных походах. В секцию принимали всех желающих. 43-я комната включилась с самого начала. Воздями, определяющими маршрут, были Лев и Олег. Сначала это были однодневные походы по выходным дням. Потом стали выезжать в субботу. В то время суббота была коротким рабочим днем. Мы приходили на работу с рюкзаками, оставляли их в камере хранения, которая находилась в проходной. Когда кончался рабочий день, покупали кое-какой провиант и отправлялись к электричке. Вечером выбирали удобное место, чтобы была вода и лес. Мальчики ставили палатки, девочки приносили лапник, чтобы мягче было спать. Потом собирались у костра, ели вкуснейшую еду — макаронны с тушенкой, пели бардовские песни и дышали пьянящим лесным воздухом.

*Дым костра создает уют,
Искры вспыхнут и гаснут сами,
Пять ребят о любви поют
Чуть охрипшими голосами...*

Наутро уходили дальше.

Походниками были люди из разных отделов: Мира Волчинская, Сева Егоров, Толя Микиша, Валера Михелев, Юлиан Радвогин и другие. Присоединялись друзья походников, не работающие в нашем Институте. Их принимали, никому не отказывали. Бывали и байдарочные походы.

Зимой ходили на лыжах. Ночевали, конечно, не в палатках. Договаривались с хозяйкой одного из домов в деревне о том, что будем приезжать в субботу вечером, а уезжая, лыжи оставлять у нее. Первое время это была деревня на станции “Турист” по Савеловской ж/д. Приезжали вечером, располагались в большой комнате, ужинали и устраивались на ночлег на полу. Утром брали лыжи и отправлялись в поход. Или катались с гор, которыми славилась станция “Турист”. А вечером оставляли лыжи и уезжали домой.

Нужно сказать, байдарки, палатки, спальные мешки, лыжи и прочая амуниция были институтскими. Их выдавали сотрудникам на спортивном складе бесплатно.

Некоторые туристы увлеклись альпинизмом, они ходили куда-то заниматься скалолазанием, бегали кроссы, а летом уезжали в альплагерь. Зоя Бочкова даже работала в одном из альплагерей инструктором.

Сколько лет просуществовала туристическая секция как институтская организация, трудно сказать, может быть, лет шесть — семь, не больше. Да это неудивительно, создавались новые отделы, приходили новые сотрудники. И спортивно-оздоровительные мероприятия устраивались в рамках отделов. Например, программистские отделы придумали отмечать “День программиста” на лоне природы.

Возникали, правда, и другие секции: водно-лыжная, теннисная, но это было позднее, и я в них не участвовала. А сейчас я хотела бы рассказать о наших институтских вечерах.

5. Институтские вечера

По каким-то торжественным событиям: Новый год, 1 Мая, 7 Ноября устраивались вечера. Они проходили в конференц-зале в Главном корпусе. Там была сцена, на которой стоял рояль. И, естественно, была самодеятельность. Кто-то пел, я помню, хороший голос был у Володи Макарова, инженера, работавшего на «Стреле». Были пляски, лучшими плясуньями были, на мой взгляд, Мила Иванова и Валя Яковлева. Вася Уваров играл на скрипке. Ира Зусман исполняла на рояле ноктюрн Листа “Грезы любви”. Это было здорово! Сева Штаркман пел песенку, сочиненную Лелей Соболев на мотив одной из очень популярных песен Ива Монтана:

*Я просто скромный инженер,
Не Шура-Бура и не Гельфанд,
И не оброс я бородой,
И я не доктор молодой
И даже я не кандидат. Но...
Раз я бродил по ОПМ,
Люблю я незаметно наблюдать за всем, за всем,
Там много интересных тем,
Можно пошутить, а можно просто посмеяться.
Я в каждый заходил отдел,
На все, что в тех отделах я внимательно глядел.
Там много интересных дел,
Много чудаков,
Много остряков,
Много разных несуразных математико-ов!*

Моя память кое-что исказила: два раза ”интересных”. В оригинале, наверняка, было лучше.

Автор текста, Илья Меерович Соболев, сейчас крупный ученый, профессор, доктор физико-математических наук.

А потом сдвигали стулья, зажигался яркий свет, и начинались танцы.

В один прекрасный день в 43-й комнате родилась идея поставить оперетту. Инициатором была Лида Панова, моя подруга еще с университетских времен, в те годы она работала в 5-м отделе. А мы все, обитатели 43-й, ее горячо поддержали.

Идея — отобразить нашу институтскую жизнь в шутливой форме.

Назвали оперетту “Самсон и Данила”.

В оперетте фигурируют две пары героев: одна — программисты, Петя (руководитель) и Люба (исполнитель). Вторая — математики, Самсон (руководитель) и Данила (исполнитель). Данила — это женщина. Прототипом Данилы была сотрудница 4-го отдела Введенская, которую звали Наталья-Никита. Так было записано в ее паспорте, а все называли ее Никитой. У нашей опереточной героини полное имя — Людмила-Данила, но все зовут ее Данилой. В программе, написанной Любой по заданию Данилы, случился авост. И начался конфликт: кто виноват — Люба или Данила. В реальной жизни таких конфликтов не было, во всяком случае я о них не слышала. Но в оперетте нельзя без конфликтов! Люба обижается на Петю, Данила на Самсона. А потом все идут в поход и у костра мирятся.

Петю играл Вадим Крус, Любу — Лена Камынина, Самсона — Сева Штаркман, Данилу — я. Музыкальное сопровождение осуществлял Олег Москалев.

А теперь более подробно.

Все участники — сотрудники “института” идут из зала к сцене, предъявляют пропуски вахтеру (настоящему вахтеру, которого мы уговорили сыграть самого себя) и скрываются за закрытым занавесом.

Занавес открывается.

На сцене стол, над ним склонилась сотрудница. Вбегает еще одна сотрудница с покупками. Кладет их на стол. Собирается еще несколько, рассматривают, слышны вопросы “Где дают? Какой размер?” Слышен ответ: “У нас в галантерее”. Входит Петя, громко сморкается. Все расступаются, и зрители видят, что на столе лежит огромный бутафорский лифчик. Его поспешно убирают. Начинается дуэт Пети и Любы.

Мелодия — из оперетты
И. Кальмана «Сильва»

Петя: *Тут авост, там авост,
Ночь прошла псу под хвост,
Как же быть, где ошибку искать?
Люба, ты посиди
И ошибку найди,
Чтоб нам не страдать.*

Люба: *Я немало для вас трудилась,
Сколько тестов пускала я,
Так за что же такая теперь немилость,
В чем же вина моя?*

Оба поют и танцуют:

*Идут все тесты с любого места,
Программы все у нас отлажены давно.
Ошибка явно в заданье главном,
Искать в программе ее право же смешно!*

Дальше оба танцуют канкан. Петя, уходя, делает потрясающий финт ногами.

Следующая сцена — зарядка. В то время по радио передавали зарядку под музыку. И диктор руководил: “Поднимите руки, сделайте глубокий вдох и т.д.”.

У нас играет музыка, и четыре девочки (Галя Олейник, Зоя Бочкова, Ира Зусман и Тамара Исаенко) выполняют ритмические движения под музыку.

Потом появляется Самсон и учит Петю, кого нужно любить, а кого не нужно.

Мелодия — из оперетты
И. Кальмана «Сильва»

*Женщин умных есть немало. Ковалевская сначала
Проложила, не забудь, в науку путь.
Вот Введенская Никита, всюду Плинер знаменита,
И за этих дам я просто голову отдам.*

*Видишь, вкалывает рьяно Гермогенова Татьяна,
Крутикова Иоланта ведь талант,
Гинзбург, Власова и Тросман, их программы без авостов,
Трудятся с душой, ну прямо скажем, на большой.*

*Дам совет тебе я, Петя, женщин много есть на свете
С интеллектом и умом, взгляни кругом,
Чем тебя Любовь пленила, что за прок в мордашке милой,
Коль сама она глупа, как пробка от вина.*

Появляется Сергей Курдюмов, предлагает Самсону: “Слушай, давай мы тебя выберем в Спортсовет!” Сережа играл самого себя, он был председателем Спортсовета и часто встретившимся сотрудникам предлагал войти в Спортсовет. А в оперетте он появлялся в перерывах между отдельными сценами.

Следующая сцена – занятия по противовоздушной обороне.

Выходят пять девочек, одетых в ватники, с противогазами, на ногах — резиновые сапоги. Они маршируют по сцене и поют. Мотив — из известной революционной песни “Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастья ключи”.

*Мы санитары, мы дегазаторы,
Но мы главнее, чем врачи,
Постройтесь в пары, дезактиваторы,
А остальные все молчи, молчи, молчи!*

*Пусть нам мешает дышать одежда,
Но мы терпеть ее должны,
Ведь мы защита, ведь мы надежда
Детей и женщин всей страны, страны, страны!*

*И в случае атомной угрозы
Мы будем вас оберегать,
Вас дегазировать, дезактивировать,
И по убежищам пихать, пихать, пихать!*

Дегазаторы так усердно маршировали, что одна из них выскочила из сапога, поспешно надела его и догнала остальных.

Выходит обиженная Данила и поет арию. Самсон не уверен, что она не допустила ошибки.

Мелодия – П.И.Чайковского,
сцена письма Татьяны

*Пускай погибну я, но прежде
Самсону, грубому невежде,
Свою невинность докажу
И Любу в лужу посажу!
Я верю в правильность заданья,
Я знаю, формулы верны,
Я проверяла их не раз, найду ошибку я у вас,
Я верю в правильность зада-а-нья!*

И падает в обморок. Почему мы решили, что Данила должна упасть в обморок, не помню. Но мне это ничего не стоило, ведь Сева Штаркман меня научил падать под мяч.

Далее — распределение машинного времени. Стоит стол, вокруг него куча народа.

Голос: 2 часа днем, 3 часа ночью.

Ответ: Ночью нельзя, всю ночь на машине Усы сидят.

Под Усами имелся в виду “Борода”. А “Борода” — это прозвище Семендяева, известное всему Институту. И задачи его отдела считались подолгу. Пару секунд тишины, и затем прокатывается хохот от первых рядов к последним! Смеялись все время, но это был особенный хохот. К тому же кто-то громким занудным голосом повторял: “Шесть раз по одной минуте”. Сидящий в первом ряду наш директор, Мстислав Всеволодович Келдыш, смеялся от души. Я из-за кулис увидела, что Тимур Магометович Энеев сползает со стула на пол.

Затем еще одна сцена: четверо мужчин смотрят футбол или хоккей и поют:

*Не кочегары мы, не плотники,
Но сожалений горьких нет, как нет,
А мы научные работники да,
А что мы делаем — секрет.*

С.С.Камынин, Вадим Крус, Сева Штаркман, Саша Любимский

Последнюю сцену — всеобщее примирение — я не помню. Помню только, что и участники, и зрители были веселы и довольны.

Оперетта “Самсон и Данила” состоялась в начале 1961 года. И мы решили, что поставим еще одну оперетту в начале 1962 года. Желавших поучаствовать было хоть отбавляй. В середине декабря к нам в 43-ю комнату заглянула Л.Ф.Калякина, секретарь М.В.Келдыша, и говорит: “Мстислав Всеволодович интересуется, будет ли на новогоднем вечере оперетта?” Мы дружно сказали “Да”.

И она состоялась, тоже смешная, тоже на институтские темы, но я ее не запомнила так хорошо, как первую. Название было “Ромео и Джульетта”.

Ромео мечтает оживить Джульетту, ему советуют отнести ее в институт “Кройки и шитья”, где умеют с помощью машины «Стрела» ставить заплатки и тем самым оживлять усопших. Ромео поверил. Сотрудники института создали программу, запустили ее, но вместо живой Джульетты получилась живая лошадь. Она нагло разгуливала по сцене, смущая авторов программы. Они исправили ошибки, но в итоге вместо одной живой Джульетты вышло несколько Джульетт. Причина была в том, что сотрудники написали программу в кодах машины, а не на алгоритмическом языке. В то время на «Стреле» работал транслятор (ПП-2), входным языком которого был сильно упрощенный Алгол. Но в Институте уже была установлена М-20, и для нее создавался транслятор с Алгола. И в финале оперетты создатели обращались к зрителям с призывом:

*...Не повторяйте вы закройщиков ошибки,
Алгол осваивай быстрее, программист...*

Больше оперетт не было. Да и вечеров тоже. Конференц-зал перестроили, куда-то исчезли рояль и занавес. Конференц-зал использовался теперь для серьезных вещей — защит диссертаций, важных докладов. Там проводились общие собрания сотрудников, которые назывались «партийно-хозяйственный актив». Пускали всех желающих. Было интересно, так как на них присутствовал М.В.Келдыш и давал оценку работам отделов.

Построили новый корпус со стеклянной проходной. В нем была замечательная столовая. Ее сотрудники по будним дням нас вкусно кормили, а в случае торжеств устраивали замечательное застолье.

Столовой теперь нет, помещение используется для других целей.

Но что делать, многое вокруг нас меняется.

В заключение хочу сказать, что мы, старшее поколение, не только играли в козла, ходили в походы и сочиняли оперетты — мы много и с увлечением работали. Ведь в это время (конец 50-х, начало 60-х) в Институте велись расчеты взрыва водородной бомбы, решались задачи баллистики, в том числе полетов искусственных спутников Земли, готовился полет Гагарина.

Мы любили свой Институт и гордились им! И рады, что наш труд вошел в копилку успехов Института прикладной математики им. М.В.Келдыша.